

УДК 9(571.5)

Реализация реформы М. Сперанского как проявление свободомыслия коренных народов Восточной Сибири в XIX – начале XX в. (на материалах деятельности бурятских степных дум)

Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации «Устава об управлении инородцев» 1822 г. М. Сперанского в бурятских ведомствах как проявление свободомыслия коренных народов Восточной Сибири в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: «Устав об управлении инородцев», степная дума, инородная управа, родовое управление, кочевые инородцы.

Целью нашей статьи является исследование реализации реформы М. М. Сперанского на материалах деятельности бурятских степных дум, как проявление свободомыслия коренных народов Восточной Сибири в XIX – начале XX в.

Что мы понимаем под «свободомыслием» коренных сибирских народов? Во-первых, в религиозном аспекте свободомыслие сибирских народов проявлялось в желании сохранить свои традиционные религиозные верования. Во-вторых, в социально-политической жизни свободомыслие сибирских народов подразумевало желание сохранить свой традиционный уклад жизни, традиционные формы управления и самоуправления.

В таком понимании религиозное и политическое свободомыслие коренных сибирских народов нашло реализацию в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г., который сохранил за ними право на свободу религий и право на сохранение традиционных форм управления на основах норм обычного права, так называемых степных законов. Надо отметить, что реализация религиозного и политического свободомыслия сибирских народов явилась, прежде всего, актом «доброй воли» со стороны российского правительства, которое в ходе присоединения новых сибирских территорий законодательно признало традиционные этнические формы управления и вероисповедания, предоставив сибирским народам широкие права в организации местного самоуправления.

На наш взгляд, предоставление таких широких прав сибирским народам было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в ходе присоединения новых сибирских территорий Российское государство встало на путь постепенного инкорпорирования сибирских народов с их существовавшей системой управления в свой состав, что было вызвано природно-климатическими, терри-

ториальными особенностями и многонациональным составом населения Сибири. Основной задачей государства было удержание под своей властью этносов, различающихся по своему хозяйственному и культурному облику, а также создание механизмов их постепенной интеграции в общероссийскую экономическую, социальную и политическую систему. Существовавшая у сибирских народов система управления со своими обычаями не препятствовала процессу интеграции в общероссийскую систему, поэтому и была использована в полной мере Российским государством.

Во-вторых, с самого начала процесса присоединения сибирские территории Российским государством рассматривались как источник поступления доходов в казну. На первых порах в XVII–XVIII вв. присоединение территорий сопровождалось обложением их народов ясаком в пользу государства, затем – постепенным распространением на них других видов налогов с полным сохранением уклада их жизни. С принятием «Устава об управлении инородцев» 1822 г. начинается новый этап в политике Российского государства, характеризующийся законодательным включением инородческих органов управления в общероссийскую систему.

В-третьих, важную роль в политике Российского государства в Сибири играл пограничный фактор, особенно это касается бурятских обществ, граничивших с Монголией и Китаем. Близость к китайской границе, соседство с родственными монгольскими племенами диктовали русскому правительству особый подход в политике по управлению бурятами, направленной на закрепление их подданства при минимальном вмешательстве во внутренние дела. О важности пограничного фактора в отношении с бурятским населением генерал-губернатор Сибири М. М. Сперанский пишет министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну: «Хоринцы прилегают к китайской границе, и спокойствие их должно быть охраняемо не токмо по уважению собственного их благосостояния, но и по уважениям пограничным. Каждое движение между ними не может быть принято равнодушно для соседей их и однородцев, в смежной с ними китайской Монголии обитающих» [1, с. 277].

В. П. Гирченко, исследовавший историю хоринских бурят в первой половине XIX в., считал, что именно буряты Хоринского ведомства пользовались определенными преимуществами, продиктованными не только их многочисленностью, богатством и огромными территориями, которые они занимали, но и в большей мере их соседством с Монголией: «Пользуясь своим соседством с Монголией, хори-буряты сохранили большую, по сравнению с другими бурят-монгольскими племенами, независимость по отношению к русскому правительству вообще, и к русской восточносибирской администрации в частности, угрожая в случаях недовольства своим уходом за границу, в Монголию» [2, с. 43].

Таким образом, «Устав об управлении инородцев» 1822 г., как считает В. Вагин, дал сибирским инородцам такое обширное самоуправление, «каким, до последнего времени, не пользовалось ни одно сословие в государстве». В целом «Устав» 1822 г. освобождал инородцев от «посторонних и вредных для них влияний», способствовал свободному их развитию, ввел в сибирскую жизнь много нового, вызванного объективными требованиями [1, с. 335, 338].

Сибирские народы получили систему органов местного самоуправления, позволившую им самостоятельно, в пределах своих ведомств, при четком следовании общероссийским законам решать все административные, хозяйственные, судебные, кроме уголовных, вопросы, заниматься развитием народного образования, здравоохранения, социальным призрением и благотворительностью.

Кроме обширного самоуправления сибирские инородцы получили свободу вероисповедания; так, проблеме вероисповедания была посвящена глава XII «Богослужение» «Устава» 1822 г., а статья 286 провозглашала право инородцев «на свободу отправлять богослужение по их закону и обрядам» [3, с. 410]. Российскому духовенству предписывалось в «обращении их (инородцев. – *Прим. авт.*) поступать по правилам кротким, одними убеждениями без малейших принуждений», земскому начальству – «не допускать стеснение инородцев под предлогом обращения в христианскую веру» [3, с. 410].

В течение 1824–1825 гг. было учреждено 11 бурятских степных дум в Иркутской губернии – Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская, Тункинская, Кударинская, Баргузинская, Селенгинская, Хоринская. В 1839 г. из Хоринской степной думы выделилась Агинская степная дума; таким образом, всего учреждается 12 бурятских степных дум. Степные думы были образованы также у других сибирских народов: у хакасов – четыре думы: Кызыльская, Койбальская, Качинская, Сагайская, у эвенков – Урульгинская степная дума, у якутов – Якутская степная дума. Всего по «Уставу» 1822 г. было образовано 18 степных дум в Сибири, среди которых 12 бурятских степных дум, на наш взгляд, занимают определяющее место как в хронологическом и в территориальном отношении, так и по содержанию своей истории.

Исследование истории местного самоуправления бурят показывает, что этап реализации реформы М. М. Сперанского в первой половине XIX в. является расцветом «инородческого самоуправления» бурят. Введенная по «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. трехступенчатая система органов местного самоуправления сибирских народов в форме степных дум, инородных управ и родовых управлений эффективно занимается вопросами местного значения: раскладкой и сбором налогов, развитием скотоводства и земледелия, содержанием дорог местного значения, профилактикой и борьбой с пожарами и стихийными бедствиями, обеспечением продовольствием населения через экономические магазины и т. д.

На основе «Устава» 1822 г. создается оптимальная по тем временам налоговая система, основанная на дифференцированном подходе к налогообложению. Кроме налогов, буряты отбывали натуральные повинности – дорожную, квартирную, уртонную (почтово-перевозочную), арестантскую, охрану лесов от пожаров и т. д.

Надо отметить, что успешная административно-хозяйственная деятельность органов местного самоуправления бурят благоприятствовала развитию хозяйства, поступлению налогов в казну государства, тем самым способствуя укреплению экономического благосостояния Российского государства. Результатом этой деятельности становится сохранение за бурятскими ведомствами полной финансовой самостоятельности.

Нельзя не отметить также самостоятельную социальную политику органов местного самоуправления бурят, основанную на нормах обычного права. Особенностью социальной политики являлось отсутствие государственной поддержки. Народное образование, здравоохранение, сироты, немощные, больные и малоимущие содержались за счет местного бюджета, при этом в бурятском обществе не было таких явлений, как сиротство, нищенство. Благодаря их деятельности открывались приходские школы, появились свои учителя, осуществлялись подбор и направление стипендиатов в уездные училища и гимназии, содержались медицинские учреждения, хлебные экономические магазины, которые обеспечивали пропитание бурят. При этом буряты, как часть российского социума, принимали активное участие во всероссийских и губернских акциях по сбору пожертвований на разные нужды. Предметом особой заботы органов местного самоуправления бурят являлось также и нравственное состояние населения.

Однако, как пишет Н. М. Ядринцев, положения «Устава» 1822 г., просуществовав около 50 лет, «далеко не оправдали своего назначения: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантией от злоупотреблений, ни ограничивали власть отдельных начальников» [4, с. 520].

Начиная со второй половины XIX в. в бурятских ведомствах наблюдается кризис административно-хозяйственной системы, основанной на родовом принципе, вызванный происходившими социально-экономическими процессами в российском обществе и геополитическими факторами. В российском обществе происходят такие значимые события, как отмена крепостного права по реформе 1861 г., а вслед за ней проведение ряда буржуазных реформ 1860–1870-х гг. Поражение России в 1850–1860-х гг. на западном и ближневосточном направлениях приводит к активизации политики в Сибири, на Дальнем Востоке, к необходимости проведения реформ в стране, в частности в отношении управления Сибирью и сибирскими аборигенными народами.

На этом этапе становится важным не только экономическое освоение Сибири, но и «заселение ее однородным и единоверным с Россией населением». Появляются идеи коренной реформы управления инородцами, системы их налогообложения, привлечения к воинской службе, которые так и не были реализованы. Несмотря на неудачные попытки ликвидации инородческого самоуправления, российское правительство переходит к политике ограничения местного самоуправления бурят жесткой регламентацией деятельности должностных лиц. Местное самоуправление сибирских инородцев постепенно становится формой управления со стороны государства; таким образом, возникает своеобразная форма государственного управления, когда государство использует местное самоуправление для решения стоявших перед ним задач.

В 1890-х гг. основными инструментами в экономическом освоении Сибири становятся русская крестьянская колонизация и строительство железной дороги, которые потребовали коренной реформы в землеустройстве, налоговой политике, административно-судебном устройстве сибирских народов. Важным фактором становятся и геополитические задачи России на Дальнем Востоке: буряты и тунгусы Иркутской губернии и Забайкальской области находились в полосе стыка с дальневосточными соседями России, и в случае войны Россий-

скому государству необходимо было иметь здесь надежную опору, каковой, на взгляд царской администрации, инородцы с их инородческим самоуправлением, законами и судами не являлись. Выражением активизации политики Российского государства на дальневосточном направлении явились постепенная ликвидация местного самоуправления бурят и тунгусов, учрежденного по «Уставу» 1822 г., и унификация их управления с крестьянским. Коренную реформу по ликвидации инородческого самоуправления российскому правительству удастся провести только в начале XX в.: старые органы местного самоуправления были упразднены, управление бурят было унифицировано в соответствии с крестьянским.

Таким образом, реализация «Устава об управлении инородцев» 1822 г. М. М. Сперанского с сохранением традиционного вероисповедания и управления позволило сибирским народам постепенно и «безболезненно» инкорпорироваться в общероссийское пространство.

Список литературы

1. Вагин В. Исторические сведения о деятельности Сперанского в Сибири / В. Вагин. – СПб., 1872. – Т. 1.
2. Гирченко В. П. К истории бурят-монголов-хоринцев первой половины XIX в. // Бурятияведение. – Верхнеудинск, 1928. – Вып. 1–3.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1). – СПб., 1830. – Т. 38. – Ст. 29126.
4. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. – СПб., 1892.

Implementation of Speransky's Reform Program as Free-Thinking, Manifested by Native Peoples of Eastern Siberia in the XIXth – the Early XXth Centuries (on the Documents of Buryat Steppe Dumas)

A. Ts. Zhalsanova, L. V. Kuras

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude
State Archives of the Buryat Republic, Ulan-Ude*

Abstract. The article considers the issues of implementation of Speransky's Regulations on the government of Non-Russians of 1822. The Regulations, implemented in the Buryat administrations, were manifestation of free-thinking of the native people of Eastern Siberia in the XIXth- the Early XXth.

Keywords: Regulations on the government of Non-Russians, Steppe Dumas, local Boards, tribal government, nomadic Non-Russians.

Жалсанова Бутит Цыдымункуевна
доктор исторических наук
Государственный архив Республики
Бурятия
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ленина, 54
тел.: 8 (3012)21–21–80
e-mail: butit62@mail.ru

Zhalsanova Butit Tsydyumkuyevna
Doctor of Sciences (History)
State Archives of the Buryat Republic
54, Lenin st., Ulan-Ude, Buryat Republic,
670000
tel.: 8 (3012)21–21–80
e-mail: butit62@mail.ru

Курас Леонид Владимирович

*доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
тел.: 8(3012)65-51-37
e-mail: kuraslv@yandex.ru*

Kuras Leonid Vladimirovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Senior research associate
Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047
tel.: 8(3012)65-51-37
e-mail: kuraslv@yandex.ru*